

А - традиция Юеши!

Пасмурно и сыро. Санкт-Петербург верит себе - жмётся провожает пассажиров, отправляющихся на Север. Но в вагоне, когда включили вечерний свет, а мы разложили багаж и стали знакомиться с попутчиками, стало тепло и уютно. И только он, невысокий, светловолосый, серокожий, одиноко сидел на боковухе, вдевая в окно, за которым в тусклом свете фонарей мелькали серые дома питерского пригорода.

Великитине проводница пришла забирать билет, и тут выяснилось, что он иностранец. Говорит по-немецки, русского - не знает. «Да, куда так ехать в чужой стране одному, - разлила ровным крепким стариком, принималась за заботливо разложенный по ступице завтрак. - А-то по-немецки знаю только *WENDE SOX!*» И тут мою маму осенило: «У тебе ж немцовой анимацией! Прими же!» Услышав самый питерский диалект международного общения, парни оживились и даже как-то повеселели. Проводница принесла чай, в купе стало совсем по-домашнему. Выяснилось, что Алексе уже три дня в России, побывав в Москве, Санкт-Петербурге, а теперь направляется в ... Котлае. «Это е какиж те пер молодые иностранные туристы

северной провинцией интересуются?" — откликнувшись чай, выразил недоумение старик. Ответ оказался неожиданным: прадед Алексея, военный, трудился в тех местах после войны на строительстве железной дороги, домой не вернулся, там и остался лежать в земле, которую французы хотели померить за считанные дни. «Помнить предков — это хорошо, ничего не скажем, — прошепел старик. — А спроси-ка его, дочка, где он в Питере побывал, что повидал?»

Алексей достал мобильник и с военщином стал наказывать ермолуху Дворцовой площади, Иоаннневу собора, Кевелю, Петропавлову, ... «Да, Питеру есть чем гордиться! Но он не стою начал. На Тимонину ему первым делом надо было. Сколько ленинградцев — взрослых и детишек — погибло голодной смертью и под бомбежкой!...»

Оказалось, что сам рассказчик, Иваняч, — коренной ленинградец. Во время блокады ребенком познал голод, холод, страшный вой сирен, разруху, бомбы, смерть родных и знакомых. Иваняч рассказывал так, будто история страдания только что и унесла блокада этап у него перед глазами. К маленькому кусочку хлеба, который выдавали по карточкам, мама варила суп из клеи,

засекшего на обратной стороне сержантской его стено-
обоев. Чтобы защитить галерею, Ивонич, тогда ещё
ребёнок, нёвёл кусок мешаного ремня, висевшего в веро-
яне одежды и подушек в нетопленной комнате в охи-
дании пропадавшей на заводе матери. Иво-
нич уверен, что не возник бы, если бы по ладошке-
младшей, "дороге жизни", с товарищами детей
не был вывезен в тыл. Тогда после войны вернулся
в Ленинград, и среди них осталась только тётя-
ка, которая его и вырастила.

Анке слушал мой перевод с проткнутыми
ртом, стаканом с оставшим чаем дрожал в руке.
Особенно его поразила рассказ о Тене Вавичевой -
девочке, на глазах которой умирали родные.

"Умерли все. Осталась одна Тена", - написано
детской рукой на цветочном дневнике. Тена
Тене позже тоже умерла от истощения.

Блокадный Ленинград - образец массового му-
жества. Решения были приняты, что взятый
в кольцо город быстро сожжётся, но он продолжал
жить, работать и защищаться. Тени даже
работали театры и продолжали сочинять
стихи и музыку, опровергая известную фразу
"когда грохочут пушки, музыка молчит". Амери-
канцы, прослушав ведущую симфонию Шоста-
ковича, премьеры которой состоялась в оса-

мужском городе и транслировалась по радио, сказали: "Народ, сочинивший такую музыку в таких условиях, непобедим!" Да, всегда, и особенно в период непотопий, русские люди мобилируются, проявляют необычайное мужество и побеждают. 75 лет прошло с того дня, когда была окончательно снята блокада Ленинграда, 74 - со дня Великой Победы. И мы, молодые граждане России, помним о Великой Отечественной войне, восхищаемся мужеством непокоренных ленинградцев и всего советского народа - победителем.

"Помним мы все! Ты спишь ему, дочка, пусть в очередной раз обязательно побывает на местах обороны, на Лискарёвке. Учебнике помним Переводы ему: помним все, но не злопамятные. Да и не виноватым. Берли, немцы, бутерброд - то, чего голый чай хлебать..."

В Черновце мужчина ватана парней затеял: отсутствующее соседнее купе. "Вортемены, похоне," - предположил разговаривавший Иваныч. И не ошибся. Парни едут в Вельск, мой город, на соревнования по боксу, посвященные памяти Дмитрия Щегурова. Он, выпускник вельской школы, тоже серьезно занимался боксом. Во время чеченской кампании 31 декабря 1999 года был смертельно ранен: в предновогоднюю ночь группу морских пехотинцев, державших высоту, окружили

бандиты, много молодых ребят пошло Витале со
стенки смотрит с черно-белой фотографией meno-
дей солдат в бесхозынке, будто говоря каждому:
„Живи за мене. Достойно живи.“ Вспомнилось, как
маленькой хор шел на бере, посвященном памяти
выпускника-героя: „Витал, Витал, всего сократи в
памяти бесстрашного мальчишку. Как всегда
остался молодым ты — герой из жизни, не из книжки...“

После того, как я, тордая принадлежностью к имени
земельца, рассказывала это попутчиками, спортсме-
ны притихли — до этого они знали только, что
соревнования посвящены какому-то спортсмену.
Тихо зазвучала гитара, парень зашел незнако-
мую монотонную песню. „В наше время другие
песни пели — боевые, комсомольские! — с настоящей
заметью Иванча. — Мы не сундугой (живу на
сундуку) на Земле понакажились. Сколько тру-
дились тогда молодые: и пахали, и севали, и го-
рода возводили, и железную дорогу строили —
за все брались, и все у нас получалось! И влюблялись,
и пьесами, и песни пели. Мы эти песни недавно
вспомнили — в октябре 100-летие ВКВМ бы-
ло, на встречу с друзьями кности ездим“
Ступица Иванча заступилась: „Нынче молодые
не такие — все красивые да унылые. А спортсмены

какие - Россию прославляют! И трудностей у них
тоже немало: и в Европе, и Украина. Кое-что в
мире, армия наша крепка и мы, молодцы. Как
одна надежда - и мир сокрушить, и епархию поднимать!

Улыбаясь слова "Европа", "Украина", Алена сказала:
"Россия агрессивна. (Украина воевать...)". Моё возму-
щение на русском: "Это мы-то с Украиной воевать?"
привлекло внимание шведской женщины, которая
в соседнем кафе уже не один час пыталась устано-
вить контакт с ней. Она сказала ему, что она
с Венца, два года как приехала в Россию, убежала от
войны в Венце в Украине потерпела: обстрелы, по
ночам хоронили в подвалах. Решила тогда уехать,
когда из своей автобуса обстрелили, за детей попу-
ганила. А родители наши с мужем там остались,
большая ма за них. Украинские власти зверствуют.
Недавно женщину в соседней улице убили. В России
нас с добром встретили, и теперь мы россияне,
гражданство получили. Едем с Крымом, гостим
и у друзей. Радуются, что теперь тоже росси-
яне, детей растят, живут в достатке, а
главное - спокойно. А Крымский мост - стоит
посмотреть!"

За разговорами время летело быстро. Утрен-
ние сумерки практически сразу сменились
сумерками вечерними, за окном быстро тем-

нено В очередной раз сели чаевничать. Обратили внимание, что наш немецкий попутчик сидит на диване. На вопрос зашучиваем: „Каше-лик с деньгами, наверное, в Петербурге на вокзале обрели, осталась только мелочь в кармане, проблема...“ Ивана возмущился: „И чего молчишь? Проблема у него! Русские в беде не бросают! Ну-ка, ребята, кто сколько может, идите в мою сумочку!“ Когда Иванычева мама, обойдя вагон, вернулась в купе, помем: проблем с возвращением Алексея домой стало меньше. „Ты только деньги-то полюбви держи, не теряй! — снадобье собранное в пакет из-под хлеба, поставил Иваных парте, у которого глаза повлажились от смущения и благодарности. — И запомни: кто с добром к нам придет — добро и получит, а кто с нечем — сам знаешь...“

Ночью украинцы-россияне утешались рано, спешными разговорами в темноте, Иваных покрывает и крепнет во сне, мне с мамой не спалось, Алекс даго общался со своим любимышкой, потом уснул. За окном забрешило утро, когда поезд подкатил к Венкову. Вот он, мой родной городок, мерцающий редкими огоньками.

Когда упрямцы ступили на платформу, поезд
дёрнулся и поехал, постепенно ускоряя перемены
качье. Вот он уже превратился в маленькую
точку, убого едущи ступици людей, мои
соотечественников, каждый из которых — части-
ца русского народа, хранитель и творец
истории России. А все вместе мы — её гордость
и сила. А тоже частица того великого,
красивого, сильного и доброго народа, с-гран-
дании России. А мой вклад в её историю
ещё впереди.